

Е. Л. Конявская

РАННЯЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСТАВЛЕНИИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТВЕРСКОГО*

Тверскому князю Михаилу Александровичу посвящено несколько произведений: две повести о его преставлении, его Житие и текст под заглавием «Предисловіе лѣтописца княженія тѣрскаго благовѣрныхъ великихъ князей тверскихъ». Одна из повестей (I Повесть) дошла до нас в редакции летописей, восходящих к Новгородско-софійскому своду XV в., и в более поздней редакции – в составе Тверского сборника в статье 6907 г. Другая повесть о преставлении князя с обширной похвалой ему (II Повесть), содержится в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. В Никоновской летописи и Лицевом своде Ивана Грозного (Остермановский II том) читается Житие тверского князя. Житие Никоновской полностью включает в себя II Повесть, а повествование в Лицевом Своде соединяет тексты обеих Повестей.

Вопрос о взаимоотношении текстов повествований о Михаиле Александровиче неоднократно обсуждался в научной литературе¹. Так, В. О. Ключевский предполагал, что тексты о Михаиле Александровиче Тверском в Новгородской IV летописи и в «Предисловіи лѣтописца княженія тѣрскаго» из Тверского сборника являются сохранившимися отрывками из недошедшего до нас «сочинения о тверском князе», созданного при Борисе Александровиче Тверском. Ученый считал, что это сочинение было полным житием – «опытом жизнеописания» Михаила Александровича Тверского. Относительно Жития в Никоновской летописи В. О. Ключевский склонялся к тому, что оно возникло независимо от «биографии», дошедшей в отрывках в Тверском сборнике и Новгородской IV². Таким образом, ученый относил к одному и тому же памятнику тексты I Повести и «Предисловія лѣтописца княженія тѣрскаго» из Тверского сборника, считая их частями произведения, написанного в середине XV в. Житие Никоновской летописи он называл «кратким», а Повесть о преставлении князя в Рогожском летописце и Симеоновской летописи осталась исследователю неизвестной.

И. А. Тихомиров также считал, что составителем Тверского сборника было использовано не дошедшее до нас Житие Михаила Александровича³.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 03-04-00183а)

¹ Материал I Повести и Жития Никоновской летописи использовал в своей «Истории» М. Н. Карамзин. Однако он ограничился пересказом этих текстов, не ставя вопроса об их происхождении и истории формирования (см.: Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5. М.: Наука, 1993. С. 96–98, 287, примеч. 183).

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 177–180. В качестве возможной ссылки на текст «записки» (так историк называл Житие Никоновской летописи) В. О. Ключевский приводил слова из «Предисловія»: «Господь Богъ възвыси и прослави рогъ Тверскія земля, многая благаа, земнаа възпріать, яко же речеса». Однако «яко же речеса», скорее всего, относится к предыдущим словам о возвышении «рога Тверской земли», которые не являются точной цитатой, но перефразируют широко распространенный библейский образ.

³ См.: Тихомиров И. А. О сборнике, именуемом Тверской летописью // ЖМНП. 1876. № 12. С. 279–282.

В тесной связи с историей летописания исследовал тексты о Михаиле Александровиче в различных сводах А. А. Шахматов. Им был сделан ряд важных для дальнейшего изучения повествований о тверском князе наблюдений. Ученый отметил раннее происхождение текста о преставлении Михаила Александровича, которое сохранилось в Новгородской IV (и более поздних летописях). Он также считал, что существовало некое житие Михаила Александровича, которое было включено в Полихрон. Предисловие к житию сохранилось в Новгородской IV и Тверском сборнике. В Полихроне же, по мнению ученого, содержалась и I Повесть: «Таким образом, — подводил итог А. А. Шахматов, — в Полихроне о кончине Михаила Александровича было два рассказа: один летописный, а другой — житийный»⁴. Соответственно, разные летописи могли заимствовать то или другое повествование. При этом предисловие, сохранившееся в Новгородской IV, А. А. Шахматов относил не к тому тексту, который оно там предваряет, а к несохранившемуся Житию Михаила Александровича, составленному «в начале XV в., вскоре после его смерти»⁵. Усложненность картины, нарисованной исследователем, проистекает из необходимости объяснить наличие двух не связанных между собой произведений об одном и том же событии — преставлении тверского князя. Подобные повествования едва ли могли иметь нетверское происхождение. Идеологически они друг другу не противоречат. Стало быть, предположение, что одно из них изначально было памятником нелетописным, было вполне логично.

Характерно, что при этом А. А. Шахматов основывался как на генеалогии летописных сводов XV в., так и на тексте самой Повести. В частности, что уже отмечалось, исследователем сделано было правильное наблюдение: «Подробности в описании смерти князя, начиная с рассказа о возвращении в Тверь посольства из Царяграда, привезшего князю икону Страшного Суда, обличают в авторе жития современника и очевидца»⁶.

А. Д. Седельников возводил известные ему тексты к одному: «краткой летописной статье» (Первая повесть). Вторую повесть он называл «пространной редакцией», а в Никоновской летописи находил «обширную редакцию, сводную, использовавшую обе предыдущие»⁷. Предположительным автором Повести в Новгородской IV он называл Епифания Премудрого, приводя при этом самые разнообразные доводы — от антимосковских настроений Епифания до возможного знакомства его с Михаилом Александровичем во время пребывания в Твери. Таким образом, исследователем не было замечено, что тексты Первой и Второй повестей не связаны между собой, а стало быть, не могут считаться редакциями одного произведения, при этом оба текста были использованы в редакции Жития Лицевого свода, текст же в Никоновской летописи имеет совпадения лишь со Второй повестью.

А. Н. Насонов основное внимание уделил тексту «Предисловія лѣтописца княженія Тферскаго», сохранившемуся в Тверском сборнике, а предисловие к Первой повести Новгородской IV, как и А. А. Шахматов, считал относящимся к несохранившемуся Житию Михаила⁸.

В своей ранней работе «Роль Твери в создании русского национального государства» Я. С. Лурье, как и А. Н. Насонов, более подробно анализировал «Предисловіе лѣтописца княженія Тферскаго». Первую же повесть он называл «отрывком» и считал, что этот текст попал в Новгородскую IV «из Тверской летописи времени Бориса»⁹.

⁴ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1901. Ч. 338. № 11. С. 64.

⁵ Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Записки Императорской Академии Наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. IV. № 2. С. 219.

⁶ Там же.

⁷ Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV века. (Кирилл Тверской и Епифаний «московский») // ИОРЯС. Т. XXXI. Л., 1926. С. 159.

⁸ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 1930. № 10. С. 744, примеч. 1.

⁹ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 36. Сер. История. Вып. 8. С. 96.

С. К. Шамбинаго вслед за А. Д. Седельниковым рассматривал возможность написания повествований о Михаиле Александровиче Тверском Епифанием Премудрым. В соответствующем разделе «Истории русской литературы»¹⁰ он высказал предположение, что Епифаний Премудрый создал тот текст, который является предисловием к I Повести Новгородской IV. Как и А. Д. Седельников, ученый считал, что это послание Епифания к Кириллу Тверскому, однако впоследствии Епифаний «не исполнил своего обещания написать о князе Михаиле»¹¹ (т. е. сам текст Повести написан не им).

М. А. Ильин представлял возникновение повествований о князе в следующей последовательности: «...Вскоре после смерти Михаила при епископе Арсении была сделана запись о жизни князя и его смерти. Написанная вскоре после событий, она была наиболее подробна и ярка. Эта реалистическая по содержанию запись попала в Симеоновскую летопись. Из недошедшего до нас общего протографа Рогожского летописца и Симеоновской летописи (этот протограф появился около 1412 г.) при Борисе Александровиче, когда был отредактирован свод 1455 года, была составлена по прежним записям повесть о Михаиле. К ней придано было новое предисловие с определенной целью возвеличить род князей тверских. Из тверской летописи повесть попала в IV Новгородскую. Здесь по соображениям политическим выкинули из предисловия имя Бориса Александровича и заменили его известной криптограммой»¹². Таким образом, I Повесть оказывалась одной из самых поздних переделок II Повести и текста «Предисловия» в Тверском сборнике.

Подробному анализу были подвергнуты повествования о Михаиле Александровиче Тверском в работах Б. И. Дубенцова¹³. Он указал на ошибку А. Д. Седельникова относительно наличия части предисловия в Воскресенской летописи; правомерно отказался от предположения В. О. Ключевского и А. А. Шахматова о том, что тексты, сохранившиеся в разных летописях, — части одного Жития Михаила; путем текстологического анализа предисловий к повествованиям в Новгородской IV и Тверском сборнике доказал искусственность присоединения предисловия, читающегося в Новгородской IV, к I Повести. Впервые вполне определенно было сказано, что первоначальным произведением о князе была повесть о его преставлении, содержащаяся в Софийской I и Новгородской IV. Изначально из Твери она попала в Полихрон (1423 г.), затем в протограф Софийской I и Новгородской IV.

В автореферате кандидатской диссертации Б. И. Дубенцов вновь дает схему развития этих текстов. Здесь начальная повесть (Софийской I и Новгородской IV) относится им к своду 1408 г. — Ивана Михайловича Тверского¹⁴, так как, по мнению исследователя, кашинские владения в завещании князя представлены в разделенном виде, а разделение произведено уже Иваном Михайловичем. Это наблюдение недостаточно аргументировано. Перечисление кашинских владений в том виде, в котором они существовали при Иване Михайловиче, не может указывать именно на 1408 г.

В работе о «Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича» проблемы текста Первой повести и предисловия к ней в Новгородской IV коснулась М. Ф. Антонова. Как и Б. И. Дубенцов, она сочла, что предисловие присоединено к I Повести позже — составителем Новгородской IV. Сама Повесть, согласно ее мнению, происходит из Новгородско-софийского

¹⁰ История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 245–147.

¹¹ Там же. С. 246.

¹² Ильин М. А. Тверская литература XV в., как исторический источник // Труды Историко-архивного института. Т. III. М., 1948. С. 28.

¹³ Дубенцов Б. И. К вопросу о так называемом «Летописце княжения тверского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 118–157; Он же. «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 176–182.

¹⁴ Дубенцов Б. И. Из истории тверского летописания первой половины XV в. АКД. Л., 1955. Ивану Михайловичу автор приписывает инициацию еще одного свода и, соответственно, повествования о Михаиле Александровиче. Этот свод относится к 1425 г. (что в отличие от «свода Ивана Михайловича 1408 г.» в науке можно считать общепризнанным), отражается в Рогожском-Симеоновской и призван воплотить новую политическую доктрину князя — идею мирной политики Тверского княжества.

свода. Первоначальным же видом предисловия является вариант Тверского сборника — из «Предисловия летописца княжения тферскаго» (М. Ф. Антонова не видела несогласованностей в тексте), происходило это предисловие из некоей «Тверской летописи»¹⁵. Однако о непосредственном использовании тверского источника сводчиком Новгородской IV ничего не известно. Прочие построения М. Ф. Антоновой основывались на датировке Новгородско-софийского свода 1448 годом.

В 1984 г. текстологический анализ повествований о Михаиле Александровиче был проведен автором этих строк. Его результатом явилось выделение трех различных линий развития текстов о тверском князе: в новгородско-софийском своде и Тверском сборнике, в Рогожском летописце, Симеоновской летописи и Никоновской и текста в «Предисловия летописца княжения Тферскаго»¹⁶.

В статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси» к памятникам, посвященным тверскому князю, вновь обратился Я. С. Лурье. Он отметил развитие различных линий сочинений о Михаиле Александровиче, одна из которых представлена «в общем протографе СИЛ и НИУЛ», другая — в Рогожском и Симеоновской, где содержится «подробный рассказ о преставлении Михаила, написанный в торжественно-агиографическом стиле». Автор статьи утверждал, что эти повествования не имеют между собой «никаких текстуальных совпадений», однако, следуя традиции, заложенной В. О. Ключевским и А. А. Шахматовым, говорил, что «житие» «дошло до нас в виде фрагментов, сохранившихся в разных летописных сводах»¹⁷.

В последних работах Б. М. Клосса и А. Г. Боброва¹⁸ вновь реанимирована идея А. Д. Седельникова о том, что I Повесть написана Епифанием Премудрым. Так, Б. М. Клосс утверждает, что на рубеже XIV—XV веков существовал «кружок интеллектуалов», они переписывались, писали что-то друг для друга и даже вступали между собой в творческие соревнования¹⁹. Если I Повесть о Михаиле Александровиче, по Б. М. Клоссу, написана Епифанием Премудрым по заказу Кирилла Тверского, то II Повесть написал сам Кирилл Тверской.

А. Г. Бобров же подкрепляет идею о написании Повести о Михаиле Александровиче в Новгородской IV Епифанием Премудрым неясными ссылками на работу М. Ф. Антоновой. Однако М. Ф. Антонова вполне определенно писала, что считает невозможным создание как Повести, так и предисловия к ней Епифанием Премудрым²⁰.

Немалую роль в появлении такого рода предположений и вообще интереса к Повести сыграла тайнопись, содержащаяся в предисловии к Повести, в которой фигурирует имя некоего Кирилла. Как уже отмечалось, неоднократно возникали попытки отождествить его с Кириллом Тверским, которому адресовано известное Послание Епифания Премудрого.

Тайнопись эта²¹ до сих пор не расшифрована с помощью какого-либо ключа. Эту проблему пытались решить обратным путем — идя не от шифра, а от предполагаемого имени. А. А. Шахматов таким образом получил сначала имя Арсения, потом — Антония, Я. С. Лурье

¹⁵ Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРА. Л., 1974. Т. 28. С. 149.

¹⁶ Коняевская Е. Л. Литература Твери XIV—XV веков (Текстология, проблематика, жанровая структура). АКД. МГУ, 1984. С. 11—14.

¹⁷ Лурье Я. С. Житие Михаила Александровича // СКИКДР. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988. С. 299.

¹⁸ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. М., 1998. С. 104—106; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 147, 159—160, 166; Он же. Летописный свод митрополита Фотия // ТОДРА. СПб., 2001. Т. 52. С. 121, 127. Ссылка последнего на Г. М. Прохорова представляется сомнительной, ибо на указанной А. Г. Бобровым с. 217 из статьи СКИКДР содержится лишь изложение точек зрения предшествующих исследователей (см.: Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // СКИКДР. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л., 1988. С. 217). Г. М. Прохоров не раз писал о стилистической близости различных текстов Новгородской IV произведениям Епифания, но ни разу — о тексте самой Повести (а не предисловия) о Михаиле Александровиче.

¹⁹ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 104—106.

²⁰ См.: Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». С. 147—150.

²¹ Г. С. Р. Ч. Е. Е. Г.

– Бориса²². Надо сказать, однако, что не только Борис Александрович²³, но и епископ Антоний представляются весьма сомнительными в качестве заказчиков Повести, так как подробность рассказа свидетельствует о написании этого текста в самое ближайшее время после преставления Михаила Александровича. В отношении Кирилла Тверского материала столь мало, что предположение о его авторстве затруднительно комментировать. Стоит, однако, обратить внимание на замечание Я. С. Лурье, который выражал сомнение, что некий Кирилл «мог бы “повелевать” что-нибудь не-тверскому автору»²⁴.

Большой интерес исследователей в последние годы вызывает Новгородская Карамзинская летопись (далее – НК). Именно по списку НК (2-я подборка) опубликовал I Повесть Б. М. Клосс²⁵. Если Г. М. Прохоров и А. Г. Бобров рассматривают как более раннюю по отношению к Софийской I (далее – CI) и Новгородской IV (далее – NIV) только НК1, то Б. М. Клосс, следуя традиции Я. С. Лурье, считает, что обе части были созданы одновременно и предшествовали даже Фотиеву полихрону (который, по словам Б. М. Клосса, «уже имел двухчастную структуру (повидимому²⁶, в зависимости от использованных источников и состава редакторов-летописцев)» (курсив Б. М. Клосса)²⁷). Однако даже если считать, что подборки НК во многих случаях отражают более ранний этап формирования протографа CI и NIV, надо учитывать целый ряд особенностей НК (ошибок в датах, ошибочных чтений, отразившихся затем в поздних летописях, и др.), равно как и то, что она дошла до нас в относительно позднем списке. Это ставит под сомнение правильность публикации и изучения памятников, содержащихся в летописях новгородско-софийского круга, по НК. В частности, необходимо рассмотреть в сравнении текст Повести о Михаиле Александровиче в НК2 и NIV.

На первый взгляд, между НК2 и NIV сколь-нибудь серьезных различий крайне мало. Самым существенным и значимым нужно признать отсутствие даты похорон князя:

NIV

НК2

а во гробъ положень бысть в среду, того же а в гробъ положень бысть назаутра, в среду²⁹
мѣсяца 27²⁸

Вместе с тем указание на дату, содержащееся во всех списках NIV, – уточнение весьма относительное: в НК2 есть дата смерти – 26 августа (как во всех остальных списках, кроме Новороссийского), поэтому сказать, что князь положен в гроб «назаутра», вполне достаточно. Характерен, однако, сам факт, что эта черта свойственна только НК2. Если считать, что NIV вторична по отношению к НК2, то тогда надо отметить, что ни один из дошедших до нас ее списков эту черту не повторяет.

Анализируя НК2 и NIV, можно обнаружить также целый ряд отличий – случаев, когда чтения НК2 являются неправильными.

Явная ошибка содержится в НК2 в начале предисловия: «Егда единою видѣвы пришедець великаго града изрядное стоание, что убо хоцеть реши о немъ, но токмо же в собѣ видѣнию

²² Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С. 22; Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 96. Результаты компьютерной расшифровки (алгоритм основывался на полном переборе вариантов числовой тайнописи) дали в качестве единственного осмысленного варианта «Арсение».

²³ Начальный летописный памятник, содержащий этот текст – будь то Фотиев Полихрон или иной Летописец – был составлен явно ранее времени Бориса Александровича.

²⁴ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 95, примеч. 1.

²⁵ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. М., 2001. С. 207–210.

²⁶ Так в издании.

²⁷ Клосс Б. М. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. XVI.

²⁸ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 389.

²⁹ ПСРЛ. Т. XLII. СПб, 2002. С. 167.

дивится, яко инѣм же глаголетъ: “Видѣх убо аз...”». Во всех списках НІV вместо «яко инѣм» читается: «и ко инѣмъ», что очевидно правильно. И далее в тексте: «да тѣмъ не могу инымъ исповѣдати, ибо самъ азъ не насладихся тоя неизреченныя красоты», в НК2 пропущено «тоя», что делает фрагмент менее понятным. После обращения: «отче отцемъ Кѣрилѣ г.с.р.ч. ее г.» в НК2 идет: «еже повелѣл...» (эта форма употребима при среднем роде). В НІV читается: «иже повелѣлъ...», что правильно.

Рассмотренные чтения содержатся в Предисловии к Повести, представляющем собой сложный метафорический текст. Видимо, поэтому текст Предисловия по спискам гораздо устойчивее. С трудом понимая его, переписчики и сводчики старались сохранить его без изменений. В подавляющем большинстве случаев отклонению одного списка противостоит единое чтение всех остальных. В тексте самой Повести разночтений много, и они разнообразны. И ошибки в НК2, подобные приведенным выше, продолжают встречаться.

Так, в НК2 есть очевидная описка, которая не повторена ни одним из списков НІV: «изнемаа» вместо «изнемогая» (вар. по спискам: «изнемогаетъ», «изнемогаи»). Далее в НК2 читается: «на ней же написано бяше Страшни судъ». В НІV дано правильное согласование: «на ней же написанъ бяше Страшныи Соудъ». В НІV Михаил Александрович говорит боярам о своем завещании детям: «якоже указахъ вамъ³⁰ и раздѣлихъ³¹ комуждо ихъ часть отчины». В НК2 это звучит иначе: «яко же указахъ имъ и раздѣли их комуждо их часть отчины». В этом варианте получается, что однородные сказуемые стоят: первое — в форме 1-го л. ед. ч. аориста, а во второе — в форме 2-го или 3-го л. ед. ч. Ясно, что первое «ихъ» в НК2 явно лишнее и возникло в этом списке по ошибке (написано лишнее «и»).

Неверная форма употреблена в НК2 в самой последней фразе: «Того ради и Богъ удиви милость Свою на немъ, давшѣ ему толику благу и красну житию кончину». Причастие «давшѣ» относится к слову «Богъ», при том, что такая форма употребима либо при существительном среднего рода, либо — во множественном числе. В НІV читается верное «давъ».

Более древний лексический вариант — «присно» — дает НІV в предыдущей фразе: «милостыню присно бес престани творяше» (в НК2 — «всегда»).

Есть перестановки, которые свойственны только НК2:

НІV	НК2
По Госпожине дни князь великий Михаил Александрович Тферьский разболися. В той же день много плачь бѣ всему граду. И любя церковныи чинъ и пѣніе церковное и честь подаваше Божиимъ служителемъ священникомъ.	Разболѣся князь великий Михаил Александровичъ Тверский по Госпожинѣ дни. И много плачь бѣ по всему граду в той день. И любя церковныи чинъ, и чѣсть подаваше Божиимъ служителемъ священником, и зѣло любляше пѣніе церковное.

Надо отметить, что в первом примере глагольная форма «разболѣся», употребленная в НК2, правильнее, чем «разболися», хотя последняя форма для новгородских текстов естественна. Тем не менее, это правильное чтение также не стало образцом для списков НІV (за исключением позднего списка Дубровского, в котором дана правильная форма «разболѣся»), как в приводимых выше контекстах — неверные.

Таким образом, проведенный анализ не подтверждает первичности текста Повести в НК2 по отношению к другим спискам НІV (в числе которых и более ранние по времени написания).

Переходя к анализу текста Повести в НІV, надо отметить, что в образности предисловия различимо влияние текста из Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского: **Яко же смердѣ, и**

³⁰ В списках А., Н., П., Т., как кажется, более точный вариант «имъ».

³¹ В Н. явно ошибочно употреблен инфинитив «раздѣлити».

нищъ члкъ, и страненъ. пришедъ издалеча к преворамъ княжа двора. и видивъ а дивитса. и пристѣпивъ къ вратомъ. чюдитса въпрашаа. и въноутрь въшедъ. видить на обѣ странѣ храмы стоаца. оукрашены каменіемъ. и древомъ истесаны. и прочее въ дворець въшедъ. и оузрѣвъ полаты высокы. и цркви издобрены без года. каменіемъ, и древомъ. и шаромъ. извоутрь же мраморомъ. и мѣдью. съ сребромъ же. и златомъ. таче не съвѣдыи чьсомоу приложити ихъ, нѣсть бо того видѣлъ на своен земли. развѣ хызъ лѣплень, и оубогъ. ти акы погубивъ си оумъ чюдитса имъ тоу. но аще са прилоучитса емоу и князь видѣти. сѣдаща въ срациѣ висеромъ покыдинѣ. гривноу цатавоу на выи носаца. и обрѣчи на роукоу. и поасомъ вольермитомъ поасана. и мечъ златъ при бедрѣ висащъ. обаполы его болары стоаца. въ златыхъ гривнахъ и поасѣхъ. и оброучехъ. ти его аще ктѡ въпрашаетъ. възвращащася на свою землю рекин. что видѣ тамо. рече не вѣдѣ како вы повѣдѣ того. свои вы бѣсте учи оумѣлѣ достоинѣ чюдѣтиса тон красотѣ. тако же азъ не могуу достоинѣ томъ доброты. и чина сказати. но самъ каждо васъ. учима плотныма вѣда. и оумомъ безплотнымъ домышлаа. паче са можетъ извѣстнѣе чюдитиса»³².

В Предисловии отсутствуют прямые текстуальные совпадения с Шестодневом, однако довольно сложная метафора «автор-пришелец» повторяет его идею: «Егда единою видѣвы пришелець великого града изрядно стояніе, что оубо хоцетъ реци о немъ, но токмо же в себѣ видѣнію дѣвиться и ко инымъ глаголетъ: видѣвъ оубо азъ преславное граду видѣніе, о немже по части нѣсть ми съглаголати, преоудивиша бо ми ся мудраа основаніа твердости и крѣпости стѣнъ, и оутверженіе вратъ, и сведеніе столпъ, и полатъ оукрашеніе, разоумъ же не прииде ни ко единому оухищренію, да тѣмъ не могуу инымъ исповѣдати, ибо самъ азъ не³³ насладихся тоя неизреченныа красоты»³⁴. Далее автор сам расшифровывает метафору, поясняя, что имеет в виду князя: «...ибо сам чюдися могуу разоумоу и нравомъ и не моги единого рассоужденіа во оумъ пр[ив]ести...»³⁵.

Вступление это, по мнению А. Г. Боброва, — «такое же письмо к заказчику, как и то, которое вычленил из текста “Слова о жити... Дмитриа Ивановича” Г. М. Прохоров»³⁶. И то и другое читается в НК2 и НIV, и оба они отсутствуют в СI. Не является ли это аргументом в пользу предположения о том, что тексты, присутствующие в НК2 и во всех других списках НIV и при этом отсутствующие в СI, имели нелетописное происхождение (а может быть, и назначение)?

Очевидно, что предисловие к повести о Михаиле нельзя назвать частным посланием, не предназначенным к «опубликованию». Риторически изошренное, оно уже само по себе является сложной метафорической похвалой преставившемуся князю. И такое предисловие, где автор говорит о себе и величии того, о ком собирается писать, вполне типично для агиографического произведения. В сущности, этот сложный образ является выражением традиционного топоса: заявления о несоразмерности малых сил автора и значительности его задачи.

Иная картина в «Письме», вклинившемся в «Слово о житии...», которое представляет собой действительно частное послание и стоит явно не на месте. Но даже в этом тексте Г. М. Прохоров усматривает сходство «со вступлениями к агиографическим произведениям», хотя и подчеркивает, что это «маленькое отдельное произведение, предназначенное играть роль вступления или послесловия только для заказчика-“преподобства”»³⁷.

³² Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция. / Изд. подгот. Г. С. Баранкова. М., 1998. С. 470–472.

³³ В Н. «не» отсутствует.

³⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 386.

³⁵ Там же.

³⁶ Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 121.

³⁷ Прохоров Г. М. Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о жити и о преставлении великаго князя Дмитриа Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 233–234. Позднее Г. М. Прохоров отметил вставной характер

Относить эти два текста к новгородскому источнику НІV нет никаких оснований, стало быть, нужно предполагать, что они имелись в общем протографе НІV и СІ, но составитель СІ исключил их, возможно, как неуместные в «объективном» изложении событий. Но если сравнить предисловие с самим повествованием о преставлении князя, окажется, что между этими текстами очень мало общего. Сложных образов и метафор в тексте Повести нет. Нет и ни одного отступления, нарушения хода повествования, выражения авторских эмоций «от себя». В отличие от предисловия повествовательная часть проста по синтаксическим конструкциям. Все это свидетельствует о том, что у предисловия и Повести разные авторы, и, стало быть, соединены они могли быть только при формировании НІV. Отчасти это подтверждает и анализ разночтений списков НІV. Как уже говорилось, в самом тексте Повести разночтений много, предисловие же гораздо устойчивее. Это свидетельствует о том, что сложный текст воспринимался особо и переписчиками, которые не вносили в него ничего от себя, а старались как можно точнее передать оригинал.

Но если это предисловие к другому тексту, то где этот другой текст? С предположением Б. И. Дубенцова о том, что этот другой текст — Житие Лицевого свода, нельзя согласиться. Лицевой свод объединяет материал I и II Повестей о Михаиле Александровиче — двух несмыкаемых до этого момента линий, и составление этой компиляции, скорее всего, должно быть отнесено ко времени составления самого свода.

А. Г. Бобров утверждает, что «самостоятельное бытование в рукописной традиции» летописных некрологов конца XIV — начала XV в., которые в последнее время рассматриваются исследователями в числе текстов, отличающих НК2 от СІ (и принадлежащих перу Елифания Премудрого), «не зафиксировано и представляется маловероятным»³⁸. Тем не менее существуют сборники, включающие некоторые из них.

Один из них (РГБ. Рум. № 376) — поздний (вт. пол. XVII в.) и с точки зрения рассматриваемых текстов неполный, но представляет интерес, обнаруживая в своем составе (и в самом принципе формирования) явные аналогии по отношению к другому, более раннему и более полному сборнику: РНБ. Погод. № 1596 (70-е — нач. 80-х. XVI в.)³⁹. В этих сборниках читаются своего рода подборки некрологов.

В Погодинском: о митрополитѣ Кипріанѣ (Л. 71 об. — 73), о преставленіи князя Мухана Тферскаго (Л. 73—74 об.), слово о житіи и о преставленіи великого князя Дмитрія Ивановича — со вставкой-обращением (Л. 74 об. — 82), о тверско.и влѣцѣ (Л. 82—83).

В Румянцевском — другой порядок статей: Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича — также со вставкой-обращением (Л. 189—195 об.), о тверско.и влѣцѣ (Л. 195 об. — 196). Позже переписчик, видимо, замечает, что пропустил Повесть о преставлении Михаила Александровича, и возвращается к ней вопреки хронологическому порядку в самом конце этой части рукописи. Однако вместо повести здесь краткий отрывочный текст. Отрывки эти, тем не менее, взяты явно из той же I Повести:

Рум. № 376	НІV
По Гжннѣ дни князь великїи Мухан Александровичъ Тверскїи изнемогаше добре и, воставъ, поиде в цркъвь соборнѣ во Сѣтїи Спсѣ и бивъ чело.и Великомѣ Спсѣ и Прчїстѣи его Мѣтри и потом начат	По Госпожини дни князь великїи Михаило Александровичъ Тферьскїи разболїся, и бысть ему болѣзнь тяжка зѣло, и изнемогаше добрѣ... И вѣставъ и иде въ церьковь сборную въ святїи Спасъ, и би чело.мъ Великому

этого текста, обнаружил источник и высказал предположение о его авторстве (см.: Прохоров Г. М. «Посторонние статьи» в Погодинском № 27 Апостоле // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 49. С. 59—77).

³⁸ Бобров А. Г. Летописный свод митрополита Фотия. С. 121.

³⁹ См.: Конявская Е. Л. Ответ митрополита Макария и новгородский летописный материал в сборнике XVI века // Макариевские чтения. Вып. X. Можайск, 2003. С. 142—151. Следует отметить, что текстологическое сравнение двух сборников дает возможность заключить, что более поздний не восходит непосредственно к более раннему, а стало быть, списков этих подборок было больше.

<p>гробѣи поклонатисѧ и изыди изъ цркви и повелѣ себе пострици и постриженъ бысть роукою прѣдѣнаго Арсеніа епсѧ тверскаго и ѿиде ѿ житіа сего к Бг҃у (Л. 196 об.)</p>	<p>Милосердому Спасоу и Пречистѣи Его Матери, и святому архаагелоу Михаилоу, и потомъ нача гробомъ кланятисѧ... И в томъ часѣ повелѣ пострици себе въ мнишескіи чинѣ, и постриженъ бысть роукою преподобнаго Арсѣнія, епископа Тферьскаго... И отъиде отъ житіа сего къ Богу... (ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 386, 389)</p>
---	--

Некрологи, повести о преставлениях — сюжеты, которые часто развиваются в летописях в более или менее пространный рассказ. В летописных статьях конца XIV — начала XV в. подобных пространных повествований особенно много. На протяжении буквально двух десятилетий в летописях (в первую очередь, в той же НІV) читаются Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича (1389 г.), Повести о преставлении Михаиле Александровича Тверского (1399 г.), Повесть о преставлении митрополита Киприана (1406 г.), Повесть о преставлении тверского епископа Арсения (1409 г.). Была ли такая концентрация пространных некрологов и эмоциональных плачей в летописях за эти годы замечена более поздними переписчиками и составителями сборников, или тексты в упомянутых сборниках — примеры того «нелетописного» бытования этих рассказов, которое считается «маловероятным»?

Лежащим на поверхности выводом, казалось бы, является предположение, что подборка в Погод. — свидетельство единого происхождения всех четырех некрологов (а стало быть, и единого их автора, в котором многим так хочется видеть Епифания Премудрого). Однако оба сборника содержат еще и летописные статьи, происходящие из НІV и доходящие в Погод. до 1445 г. (что уже само по себе исключает возможность видеть в них список с материалов, собирающихся для Фотиева Полихрона), в Рум. — до 1413 г.

Судя по текстологическим особенностям, в распоряжении составителя был либо непосредственно Академический список НІV (БАН. 16.3.2), либо его копия. Разночтения по отношению к А носят, как правило, орфографический характер. Показательны два момента. В Грамоте Киприана по списку А в тексте **сноу моемоу. кнзю Василию Дмитреевичю) всѣа Роуси** пропущено слово **великомоу**. Оно дописано на правом поле киноварью. Такая же картина наблюдается и в Погод., только слово дописано не киноварью, а теми же чернилами, что и основной текст. В другом месте в Погод. читается: **і вѣдка Иоан, повелѣ строити полати, оу сѣтто Воскрсѣна над дверми** (Л. 83). Все остальные списки НІV называют эту церковь церковью св. Иакова, в А названия нет вообще: **оу сѣтто въ церкви** (Л. 245 об.). По-видимому, располагая текстом, читающимся именно в этом списке, составитель подборки решил сам восполнить пробел. Исходя из того, что в тексте говорится **над дверми**, составитель отождествил эту церковь с надвратной церковью Воскресения.

Вместе с тем характерно, что ряд исправлений, имеющих в списке А, учтены в Погод. Так, в Повести о преставлении Михаила Александровича Тверского в тексте: **проценіа ѿ них ѿ всѣх проша** (Л. 74) **ѿ всѣх** внесено в строку, в то время как в А дописано на полях другим почерком и другими чернилами. Зачеркнутое прямо в строке — теми же чернилами или киноварью — в Погод. отсутствует. Так, в той же Повести в А ошибочно начатое: **и погре** (надо: **и превысть**) зачеркнуто, в Погод. этого нет.

Выбор летописных сюжетов не совсем ясен, ибо здесь присутствуют материалы как общерусские, так и новгородские (хронологически — от 1391 до 1445 г.). Характерен интерес к потомкам Дмитрия Донского (к имени каждого из них прибавляется «Донского»), а также различным знаменам. Последняя запись — о знамени в Суздале под 6943 г. (под этим же годом текст идет в списках НІV А и П, в остальных — под 6944 г.).

При всей примечательности существования таких подборок, их наличие мало что меняет в представлениях о происхождении I Повести, ибо они очевидным образом являются выборками,

и ранняя из них никак не может отражать протограф Академического списка НІV, а, напротив, списана с него или его копии.

Возвращаясь к вопросу об авторстве Елифанія по отношению I Повести, надо сказать, что главный аргумент против этого — знание автором подробностей последних дней князя, его прощания с народом и стиль повествования. Нельзя не заметить (и это отмечалось еще в ранней работе Я. С. Лурье⁴⁰), что I Повесть о преставлении Михаила Александровича не имеет ни малейшего сходства с житиями, написанными Елифанием.

Повесть невозможно назвать «украшенным» агиографическим памятником. Здесь нет риторических изысков, авторских отступлений, сложных конструкций в стиле «плетения словес». Это детальное описание прощания князя с сыновьями и народом, изложение его завещания, рассказ о решении постричься в иноческий образ.

Подробно говорится о слабости и болезненном состоянии князя. Уже в начале повествования звучит: «Бысть ему болѣзнь тяжка зѣло и изнемогаше добръ; уже и грамоты душевныя повелѣ писати, уже мало владеяше собою...»⁴¹ Затем, узнав, что пришла от патриарха икона, Михаил Александрович, «самъ вѣставъ от постели своея, яко же забы болѣзнь свою, и, чудо бѣ зрѣти: обновися, яко орель оуностию, аки не чюяше ни старости, ни болести»⁴². На пиру же князь вновь «бьяше бо велми изнемогаетъ, поддержахуоть его»⁴³. Столь же детально состояние больного князя описывается и в сцене его прощания с народом: «Бьяше бо тогда видѣніе доброты его премѣнися на дряхлость, свѣтлость лица его на блѣдность преложиися отъ многия истомы и отъ великіа емоу болѣзни...»⁴⁴

Простота стиля и отсутствие цитат из Писания, тем не менее, не лишают повествование внутреннего драматизма. Прощаясь с народом, князь не произносит пространных монологов, а дважды повторяет лишь несколько прощальных слов. Первый раз говорит он их в завершение пира, обращаясь к каждому, кому подает из своих рук чашу: «Простите мя и благословите». И затем, уже выйдя из Спасского собора, видя множество народа, он снова говорит: «Братіа, простите мя, и благословите вси», — на что собравшийся народ отвечает «яко едиными оусты съ воскличаніемъ, плачуще и глаголюще: “Богъ проститъ тя, добрыи нашъ княже и господине”»⁴⁵.

Детально описывается, как князь идет в храм, к какому образу подходит, как кланяется гробам своего отца и деда. Наконец, с точностью указывает место, где Михаил Александрович «повели гробъ собѣ строити» — столп, «идѣже бѣ написаны Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ»⁴⁶. Автор не упускает даже такого штриха, как прощание князя со всем народом на ступенях храма.

Со сдержанной простотой передана атмосфера печали и оплакивания еще живого, но уже в последний раз сидящего за общей трапезой князя: «И тако всихъ по ряду целовавъ, отъ мала и до велика, и отпусти я, они же идяху отъ него дряхли, плачущеся»⁴⁷.

Таким образом, подробность описаний и искренность интонацій свидетельствуют о том, что автор был очевидцем и участником событий (едва ли таковым был Елифаній Премудрый). По всей вероятности, он принадлежал к духовному званию, однако занимал довольно скромное место в церковной иерархии. Он видит лишь то, что видят все, до самого последнего момента он не знает о решении князя постричься в монахи (по тексту повести в Никоновской и Лицевого свода в это посвящен лишь епископ Арсеній). С точки зрения стоящих в толпе он и передает происходящее:

---

⁴⁰ Лурье Я. С. Роль Твери в создании русского национального государства. С. 95.

⁴¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 387.

⁴² Там же. С. 387.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 388.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 387.

«И отголѣ поиде доловъ по степени, князи же сынове его и боляри его дръжахоу мнѣние, да паки на свои дворъ хоцеть поити; он же каза роукою, повелѣваше вести себе въ манастырь»⁴⁸. Повидимому, он не присутствует при пострижении и, не принадлежа к инокам Афанасиевского монастыря (места пострижения князя), не может рассказать о его самых последних днях — после пострига.

Сложнее с заказчиком Повести. Проблема тайнописи представляется сегодня столь безнадежно далекой от решения, что Кирилл Тверской может быть одним из «кандидатов» для зашифрованного имени, но не более того. «За» говорит его имя и то, что он из Твери. Строго говоря, мы ничего больше о нем и не знаем: предположение А. Д. Седельникова о его сане, которому следует Б. М. Клосс (хотя и не ссылаясь в этом случае на своего предшественника)⁴⁹, — только предположение. Однако если принять это предположение, станет непонятен сам смысл использования тайнописи. Коль скоро названо имя («Кирил»), то зачем шифровать вторую его составляющую, гораздо менее значимую в средневековой Руси («Тверской»)? А. А. Шахматовым было высказано предположение (с которым был не согласен А. Д. Седельников⁵⁰ и полностью согласился Я. С. Лурье⁵¹) о том, что в «Кирила» превратился первоначальный «кирь»⁵². Это снимает нелогичность принципа шифровки, но не объясняет ее необходимости. Чье имя могло быть столь одиозным, что так и осталось нераскрытым — ни в одном списке летописи, содержащей этот текст?

Предположение Я. С. Лурье, что это имя — Борис (т. е. князь Борис Александрович), вызывает сомнения, поскольку серьезное соперничество с Москвой для Твери XV в. было уже в прошлом. Кроме того, трудно объяснить, как такой подробный рассказ мог быть написан не в ближайшее время после кончины князя, а через полвека. Резонны и выдвигаемые возражения, касающиеся обращений в предисловии. Они действительно более уместны по отношению к лицу духовному. В этом смысле рассуждения А. А. Шахматова о том, что только Арсений мог именоваться «отче отцем», «боголюбивая главо» и «освященным верхом» представляются правдоподобными, но зато не снимается вопрос: кому могло помешать имя тверского епископа, миротворца и дипломата, не занимавшего крайних позиций — ни «тверских», ни «московских»?

Таким образом, наиболее вероятным представляется соединение в НІV двух разных текстов: предисловия к какому-то, возможно, более полному сочинению о Михаиле Александровиче (в предисловии говорится о написании «отъ житиа») с повествованием о преставлении Михаила Александровича Тверского. О варианте Повести в НІV А. А. Шахматов говорил как о лучше сохранившем первоначальный текст на основании наличия предисловия, которое он считал неотъемлемой частью произведения. Однако если принять возможность независимого возникновения рассказа о преставлении князя и предисловия, читающегося в НІV, вероятным становится как их одновременное создание, так и разновременное. В таком случае встает вопрос: не является ли текст в СІ более ранним, чем в НІV?

Соотношение текстов Повести в списках СІ старшего и младшего изводов представляет собой сложную картину. Однако ряд разночтений отличает Повесть в СІ обоих изводов от Повести в НІV.

Существенны ошибочные чтения СІ, содержащиеся в тексте переданного в Повести княжеского завещания. Исследователями обращалось внимание на то, что в духовной грамоте

⁴⁸ Там же. С. 388–389.

⁴⁹ Б. М. Клосс при этом не приводит оговорку А. Д. Седельникова, о том, что в таком случае надо делать еще одно предположение: что «Кирилл» — это схимническое имя игумена Корнилия (См.: Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV в. (Кирилл тверской и Елифаній «московский»). С. 174–175.)

⁵⁰ Предложения самого А. Д. Седельникова по расшифровке тайнописи представляются совершенно неприемлемыми. Это произвольное соединение различных и довольно надуманных принципов: первое Г, например, предлагается представить как три а, расположенных причем через одну согласную, второе Г — как ВА и путем подбора возможных вариантов получить «Афанасеева» (Седельников А. Д. Из области литературного общения в начале XV в. С. 174–175).

⁵¹ Лурье Я. С. Роль Твери в создании Русского национального государства. С. 95.

⁵² См.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С. 118.

Михаила Александровича упомянут уже умерший к этому времени его сын Борис⁵³. В НІV и НК2: «А Василью и Борису и его сыну Ивану Кашинъ, Коснятинъ»⁵⁴, в СІст: «А кн(я)зю Борису и Василию и его с(ы)ну Иоану Кашинъ, Коснятинъ»⁵⁵, в СІмл (включая список Царского (далее — СЦ)): «А князю Василию Борисовичю и сыну его Ивану Кашин, Коснятинъ» (в Толстовском списке: «князю Василию, его князю Ивану»)»⁵⁶. Таким образом, в СІст имена Василия и Бориса переставлены местами, в результате Иван оказывается сыном Василия Михайловича, а в большинстве списков СІмл из двух братьев получается один, не существующий среди наследников Михаила Александровича, Василий Борисович. Надо отметить, что в других летописях, содержащих этот текст, подобных ошибок нет.

Кроме того СІ содержит ошибочное чтение во фрагменте о пире, который устроил князь. В НІV говорится, что князь позвал на пир: «епископа своего Арсѣнія, и архимандриты, и игоумены, и попы, и диаконы, и крилошаны, и черньци, и черници, нищихъ и оубогыхъ, слѣпя, и хромья и вредныя»⁵⁷. В СІ же имеется явное искажение, связанное с неправильным прочтением текста переписчиком, из-под руки которого вышел список, использованный впоследствии обоими изводами: «еп(и)с(ко)па своего Арсения и архимандриты, и игумены, и попы, и дяконы, и весь причет ц(е)рк(о)вныи, и от мнишескаго чину нищих, и от бѣлецъ нищих, и убогихъ всѣхъ»⁵⁸. Этой несообразности нет в тексте Повести Московском своде конца XV в. (далее — МС), Вологодско-Пермской (далее — ВП) и Никаноровской (далее — НКр) летописей и др. В них читается: «и от мнишескаго чину, и от бѣлецъ, и нищихъ, и оубогихъ всѣхъ»⁵⁹. Разумеется, все более поздние летописи, содержащие варианты этого текста, не заимствовали его заново из отдельного источника, а получали в составе летописного источника — списка СІ, который до нас не дошел (по-видимому, более исправного, чем известные нам), что подтверждается целым рядом совпадений этого текста то с Повестью СІ старшего извода, то младшего.

Есть несколько отличий обоих изводов от НІV, которые не являются ни ошибками, ни значимыми с точки зрения сохранения более раннего чтения.

В НІV говорится, что Данило протопоп приходит «съ дружиною своею», в СІ — «съ инѣми».

В рассказе НІV князь указывает место для своего гроба на правой стороне, «идѣже бѣ написаны Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ» (в СІ «идѣже бѣ написано Авраамъ и Исакъ, Ияковъ»⁶⁰), при этом по НІV он велит гроб «строить», по СІ — «сѣщи».

Когда Михаил Александрович выходит из дверей Святого Спаса на ступени, по НІV он видит «народа многое множество, стоахоу спедшеся», СІ говорит лишь, что было «народа множество» (ст. изв.) или «народа многое множество» (мл. изв. и СЦ).

В НІV: «видѣніе доброты его премѣнися на дряхлость»; в СІ: «видѣние зрака его измѣнися на дряхлость».

В СІ в отличие от НІV не называется дата положения во гроб Михаила Александровича, говорится лишь, что это произошло в среду (и в отличие от НК2 здесь нет уточнения «назавтра»).

⁵³ Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 г.г.). Тверь, 1994. С. 257; Тюльпин А. Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV века // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 162–163; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 325–326.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 388.

⁵⁵ ПСРЛ. М., 2002. Т. VI. Вып. 1. Стб. 519.

⁵⁶ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 252.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 387.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. Стб. 518.

⁵⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 90.

⁶⁰ Здесь, безусловно, имелась в виду композиция «Лого Авраамово», располагавшееся обычно на западной стене южной части храма. Именно в южной части собора, как считал Н. Н. Воронин и вслед за ним полагает А. М. Салимов, был княжеский некрополь (см.: Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1962. Т. 2. С. 141–142; Салимов А. М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994. С. 54).

Разного рода текстуальные отличия есть и между двумя изводами СІ.

Что касается совпадений НІV со списками СІмл (и отличий от СІст), то наиболее существенным является то из них, которое содержится в тексте завещания. В списках старшего извода (и в более поздних летописях) отсутствует упоминание Ржевы, которую по НІV и спискам СІмл (включая СЦ) Михаил Александрович вместе со многими другими городами отдает старшему сыну Ивану и его сыновьям. Ржева была территорией, на которую долгое время притязали Москва, Литва и Тверь⁶¹. После 1449 г. она окончательно переходит во владения Москвы. СІст составлялась гораздо раньше, однако уже после того, как Тверь утратила Ржеву в первый раз — до 1404 г. (это можно считать верхней хронологической границей возникновения Повести). Таким образом, можно предполагать, что в данном случае СІмл по какой-то причине сохранила более ранний вариант текста⁶².

В значительном числе случаев текст Повести в НІV совпадает СІмл и расходится с текстом СІст.

НІV и СІмл	<i>I группа разночтений</i>	СІст
1. стрѣтити <u>честно святоую</u> икону		1. стрѣтити <u>ч(е)стную ту</u> икону
2. <u>обновися</u> яко орель оуностию		2. <u>обновитися</u> яко орель уностию
3. и <u>повели сътворити</u> пирь великъ		3. и <u>сътвориша</u> пирь великъ
4. и постриженъ бысть роукою <u>преподобнаго</u> Арсѣнія		4. и постриженъ быст(ь) роукою Арсения
5. и наречено бысть имя емоу в <u>мнишьскомъ чину</u> Матфѣи		5. и наречено быст(ь) имя ему Матфѣи
6. и в той же день преставися <u>благовѣрныи и христолюбивыи</u> Михаило, <u>сынъ</u> Александровъ ⁶³		6. и преставися бл(а)говѣрныи кн(я)зь Михаило Александрович
7. правноукъ <u>великаго</u> Ярослава Ярославича		7. правнукъ Ярославич (<i>вар.</i> Ярославль) Ярославич(а)
8. бысть всѣхъ <u>дней</u> житія его <u>лѣтъ</u> 60 и 6, и отъиде <u>отъ житія сего</u> къ Богу авгоуста 26		8. и быст(ь) всѣхъ <u>лѣт</u> житія его 66, и <u>от(ъ)иде</u> к Б(о)гу августа 26
9. <u>въ своей отчинѣ, въ градѣ Тфери,</u> во зборнїи церкви въ святѣмъ Спасѣ		9. во зборнѣи церкви въ С(вя)томъ Сп(а)сѣ
10. честь подавааше <u>Божїимъ слоужителемъ</u> священникомъ		10. ч(е)сть подаваше с(вя)щ(ен)никомъ
11. паче же всего любляше соудъ правъ, <u>не на лица соудити</u>		11. паче же всего любяше судъ правъ
12. давъ емоу толь доброу (<i>НК2: благу</i>) и <u>красноу</u> житію конецъ (<i>вар., НК2: коньчину</i>)		12. давъ емоу толь доброу житию кончину

Совпадений НІV с СІст, противостоящих СІмл, гораздо меньше:

НІV и СІст	<i>II группа разночтений</i>	СІмл
1. на ней же <u>написанъ</u> бяше (<i>в СІст бѣ</i>) Страшныи Соудъ		1. на ней же бѣ <u>написано</u> (<i>так и в НК2</i>) Страшныи Соудъ

⁶¹ См. об этом: Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 149–161; Он же. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 324–326.

⁶² О сложном соотношении текстов двух изводов СІ см.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 710–723.

⁶³ В Летописи Дубровского: «и в той ж(е) д(е)нь преставис(я) бл(а)говѣрныи кн(я)зь и х(рист)олюбивыи Михаило, с(ы)нъ Александров» (ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 161).

2. пѣти <u>молбенѣ</u> (в СІст, как и в НК2, 2. пѣти <u>молебны</u> молбены)	
3. послѣди же целоваше своихъ дѣтей, и боляръ и слоугъ, и <u>домочадыхъ</u>	3. последи же целоваше своихъ дети, боляръ и слугъ, и <u>до молодых</u>
4. и подъ тѣмъ <u>мѣстомъ</u> повели гробъ собѣ строити	4. и под тѣм <u>столпомъ</u> повелѣ гробъ себѣ сѣщи
5. а самъ поиде вонъ изъ церкви <u>святаго Спаса</u>	5. а сам поиде вонъ из церкви

Ошибками переписчиков в приведенных чтениях можно считать лишь три случая: № 2 из первой группы разночтений и № 1 и 2 из второй группы. Так, очевидно, что во фразе «чюдо бѣ зрѣти: обновитися яко орель уностию и не чюяше ни старости, ни болѣсти» (I группа № 2) глагол «обновитися» представлен в инфинитиве по ошибке. В НІV и СІмл дана правильная форма: «обновися».

Во фрагменте II группы № 1 нарушено согласование по роду (эта ошибка, свойственная НК2, уже рассматривалась выше).

Разночтения II № 2 — другого характера. Ошибка в НІV, НК и СІст⁶⁴ орфографическая и, можно сказать, менее грубая. Ранняя форма *мольбѣнь* по-видимому, заставляла писцов колебаться в прояснении редуцированных, кроме того, слово это часто писалось под титлом, что усложняло усвоение его правильного написания писцами. Следует отметить, что подобное неверное написание слов с этой же основой встречается и в других текстах⁶⁵.

Остальные разночтения первой группы отражают незначительные смысловые нюансы («повели сътворити пиръ» — «сътвориша пиръ»; «стрѣтити честно святоую икону» — «стрѣтити ч(е)стную ту икону»), или укладываются в рамки мелких стилистических различий и могут быть результатом как сокращения пространного текста, так и распространения первоначально краткого.

Вторая группа включает всего пять случаев. Не считая отмеченных выше, два из них носят такой же нейтральный характер, как большинство в первой группе, а II № 3 демонстрирует образец неправильного понимания исходного текста переписчиком списка, который лег в основу списков СІмл (вместо «домочадых» — «до молодых»; в СЦ правильно: «домочадых»).

Сравнение соответствующих фрагментов в летописях, заимствовавших с различными сокращениями и редакционными изменениями рассказ о преставлении князя из СІ, картину не упрощает. Совпадая в большинстве случаев с текстом СІст (включая явную ошибку «обновитися»), рассказ в Нкр и ВП содержит несколько чтений, совпадающих с СІмл. Так, в Нкр—ВП читается: «на ней же бѣ написано Страшный Соудъ» (II № 1); «стрѣтити честно святоую ту икону» (I № 1). В МС: «срѣтити честно съ кресты святоую ту икону»; «бысть же всѣхъ днии жития его лѣт 60 и 6» (I № 8); «и поиде из церкви» (II № 5). Даже если не учитывать последнего примера, поскольку он может быть результатом случайного совпадения (да и то неполного) текста СІмл и сокращения, проводимого редактором МС, приведенные данные — с учетом рассмотренного выше исправного чтения о нищих и верно названных имен в завещании — подтверждают мысль о том, что составители сводов конца XV в. располагали не дошедшим до нас списком (а может быть, и изводом) СІ⁶⁶.

Ермолинская летопись, Летописные своды 1497 г. и 1518 г., Львовская и др. не включают текста Повести, но под 6908 г. содержат известие о преставлении тверского князя: «Того же лѣта,

⁶⁴ В Погод. № 1596 — верная форма (молебен).

⁶⁵ См.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). В 10-ти т. М., 2002. Т. V. С. 21.

⁶⁶ Я. С. Лурье допускал использование протографом МС сразу двух изводов СІ (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. С. 155), такая же картина представлена В. А. Кучкиным в отношении редакции Повести о Михаиле Ярославиче в МС (см.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 89—93).

августа 26, преставися князь Михаило Тферьскы, нареченны въ мнишескомъ чину Матфѣи, и положенъ въ Спасе, наутри в среду, живъ 66 лѣтъ»⁶⁷. Сообщение точной даты смерти князя, подробности о положении его во гроб, указание на то, сколько князь жил, — все это свидетельствует о том, что материал почерпнут из рассматриваемой Повести, содержащейся в Новгородско-софийском своде. Скорее всего, и слова «во мнишеском чину» не являются случайным совпадением с соответствующим текстом НІV, а отражают чтение общего источника СІ и НІV.

Очевидна связь I Повести и рассказа о смерти Михаила Александровича в Тверском сборнике (далее — Тв). Полных текстуальных совпадений между ними не так уж и много, но вся сюжетная канва I Повести в Тв. повторяется, текст в одних случаях сокращен, в других — распространен — по большей части за счет цветистых монологов героев. В большинстве случаев фрагменты, которые могли бы быть привлечены для сравнения с разобранными ранее чтениями, текстуальных совпадений не содержат, но некоторые чтения Тв. все же представляются достаточно показательными. Так, можно отметить фрагмент, где отсутствует свойственная СІст ошибка «обновитися» (I № 2); далее читается «на ней бяше написанъ Страшный судъ» (II № 1); «а самъ поиде отъ святаго Спаса» (II № 5). Таким образом, в двух из трех случаев обнаруживаются совпадения с СІст., в одном — с СІмл (и во всех — с НІV). Оба варианта текста «и подъ тѣмъ мѣстомъ / столпомъ...» (II № 4) читаются по-разному в разных списках Тв: «и повелѣ себѣ под тѣмъ мѣстом...» (ГИМ. Муз. № 288 б. Л. 185 об.), «и повелѣ себѣ подъ столпомъ...» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 460).

Три фрагмента могут быть рассмотрены в связи с разночтениями между НІV и СІ в целом. В Забелинском списке Тв.: «идѣ писаныи патриархи Авраамъ, Исаакъ, Иаковъ» (ГИМ. Муз. № 288 б. Л. 185 об.)⁶⁸ (совпадает с НІV); «гробъ сѣчи» (совпадает с СІ). Ближе к НІV фрагмент: «И сътвори вечеру велику владыцѣ, и архимандритомъ, игуменомъ, и всему священническому чину, и нищимъ, слѣпымъ и хромымъ» (Стб. 459).

Вывод можно сделать лишь один: Тв. и Новгородско-софийский свод имели общий источник. Трудно представить, как такой, едва ли распространенный в отдельных списках памятник мог оказаться не только в Твери, но и в Новгороде. Стало быть, источником должна была быть летопись, которая содержала текст Повести и которую использовали составители Новгородско-софийского свода и Тв. По-видимому, это должна была быть какая-то тверская летопись, которой непосредственно или через Полихрон располагали оба сводчика. Поскольку нет подтверждений тому, что Повесть содержалась в Троицкой летописи, то она не могла появиться в каком-либо летописном памятнике до свода Арсения, оформившегося в ближайшие после 1409 годы. В пользу такого предположения можно добавить и еще одно наблюдение. В. А. Кучкин привел среди прочих фразу из Пространной редакции Жития Михаила Ярославича — как параллель фрагменту летописной Повести об убийстве в Орде Александра Михайловича Тверского: «испущающе от очию слезы, яко рѣку»⁶⁹. Мотив «испущания слез» присутствует и в Повести о Михаиле Александровиче в Тв.: «и стрѣте и на своемъ дворѣ, у святаго Михаила, и нача слезы испущати предъ образомъ Божии на многи часы»⁷⁰; «а самъ поиде из церкви святаго Спаса, испущая слезы, аки струя»⁷¹.

Другая параллель была приведена В. А. Кучкиным уже непосредственно по отношению к Повести о преставлении Михаила Александровича: «и по сем онъ цѣлуя своя дѣти, веляше

⁶⁷ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1910 С. 137.

⁶⁸ Строевский (РНБ. Погод. № 1414) список в данном случае, по-видимому, содержит пропуск слова: «идеже писани [образы?] Авраама, Исаака, Иакова» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 460).

⁶⁹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. С. 266.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 459.

⁷¹ Там же. Стб. 460.

послѣдовати благимъ своимъ нравомъ»; в Житии Михаила Ярославича: «веляше же послѣдовати благимъ своимъ нравомъ»⁷². Совпадения эти встречаются в сходном контексте — наставлении сыновьям. Все это подтверждает предположение о едином тверском источнике Тв. и Новгородско-софийского свода и заставляет думать, что повести о трех тверских князьях происходили из одной тверской летописи, которую использовали как общерусские летописи (через посредство Полихрона), так и тверские своды XV в.

Как уже говорилось, в Тв. Повесть подверглась различного рода изменениям. В первую очередь надо обратиться к таким из них, которые могут представляться дополнениями фактического характера. Так, В. А. Кучкин отмечал, что Повесть Тв. лишена таких подробностей, как изложение духовной грамоты князя, указание на день и время его смерти, зато в ней говорится, что Данило протопоп был послан в Царьград «за годъ»⁷³. Однако является ли это свидетельство истинным? Во II Повести (Рогожского летописца и Симеоновской летописи) сказано, что посольство послано «преже бо двою лѣт». О его отправлении говорится также в летописях, восходящих к своду 1472 г. (Ермолинской, МС, Своде 1497 г., Уваровской 1518 г., Типографской, Львовской). Здесь сообщается, что протопоп Даниил поехал в Царьград в 6906 г., а известие о смерти Михаила Александровича помещено под 6908 г. Следом за сообщением о поездке Даниила говорится о походе новгородцев под предводительством посадников Тимофея Юрьевича, Юрия Дмитриевича и Василия Борисовича на Двину. В этих летописях обозначен лишь год похода, но в Новгородской I есть указание на время года — весну «по Велицѣ дни»⁷⁴, т. е. после 7 апреля 6906 г. Едва ли посольство отправилось в Константинополь зимой, стало быть, наиболее вероятное время его отправления — март. Таким образом, делегация возвращается через полтора года. Расхождение между оценкой времени (год и два года) в разных повестях можно отнести на счет субъективного взгляда повествователей: первый округлил полтора года до одного, второй — до двух.

Другое свидетельство является дополнительным по отношению к сведениям I Повести и при этом несколько противоречит картине, рисуемой в Рогожском летописце и Симеоновской летописи. В Тв. говорится, что князь «поидоша на свои сѣни, и поставиша близъ ложа своего святую икону, іерею и діакону съ кандиломъ предстоящу ей»⁷⁵. Во II Повести сказано, что икона ставится не около ложа Михаила Александровича, а «въ полатнѣи церкви святаго Михаила». Противоречие это может быть снято предположением, что икона была поставлена в домово́й церкви, а ложе (или сидение) князя было устроено так, что он мог ее видеть.

Как отмечалось, в Повести Тв. нет изложения завещания Михаила Александровича, он говорит Арсению только о старшем сыне: «Се вамъ во свое мѣсто сынъ мой князь Иванъ»⁷⁶. Днем преставления назван день похорон князя (27 августа). Наконец, в Тв. сказано, что прожил Михаил Александрович не 66, а 65 лет. Расхождение в счете двух летописцев может быть объяснено рождением князя в сентябре 1333 г. В таком случае автор I Повести счел, что несколько дней, которые Михаил Александрович не дождал до своего 66-летия, не имеют значения, автор же Повести Тв. посчитал число полных прожитых лет. Под 6841 г. в Новгородской I младшего извода и НIV летописях известие о крещении Михаила в Пскове новгородским архиепископом Василием находится между датированным известием о том, что Иван Данилович Московский «сѣде» в Торжке от Крещения до Сбора (Соборное воскресенье в этом году было 21 февраля). Следующее же за сообщением о крещении Михаила известие — о приезде в Новгород Нариманта Гедиминовича — датировано октябрём. Очевидно, что дату

⁷² См.: Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 267.

⁷³ См.: Кучкин В. А. Тверской источник Владимирского Полихрона // Летописи и хроники. М., 1976. С. 111.

⁷⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 391.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 460.

⁷⁶ Там же.

рождения Михаила Александровича нужно искать ближе к октябрю, а не к февралю, поскольку между Соборным воскресеньем и крещением сына Александра Михайловича в летописях содержатся еще два известия, и оба касаются деятельности новгородского архиепископа: Василий обновляет Святую Софию и затем по просьбе новгородцев едет в Переяславль к Ивану Даниловичу. Лишь по возвращении от великого князя он отправляется в Псков. Если имя Михаилу Александровичу дают не в честь деда, то сентябрь для такого имени оказывается вполне подходящим месяцем: 6 сентября вспоминается Чудо архистратига Михаила в Хонех.

Таким образом, дополнения или расхождения фактического порядка Повести в Тв. по отношению к НІV, выглядят достоверными или объяснимыми⁷⁷. Едва ли эти сведения могли быть внесены спустя значительное время после смерти тверского князя. Скорее всего автор текста в Тв. располагал тем же повествованием о преставлении князя, что и сводчик Полихрона, и сохранил для нас подробности, которые были утрачены при редактировании источника СІ и НІV. Это означает, что Первая Повесть о преставлении Михаила Александровича, сохранившаяся в двух редакциях (СІ и НІV, с одной стороны, и Тв. — с другой) восходит к не дошедшему до нас, по-видимому, более обширному тексту, читавшемуся в тверской летописи и использованному как при составлении Полихрона, так и тверского свода, ставшего основой Тв.

---

⁷⁷ Ошибочным можно считать число 27 августа, указанное в Тв. как дата смерти князя. Но и это можно объяснить результатом невнимательного сокращения текста.